

CODE:

ТЕМА: ПРАВДА О ГИБЕЛИ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"Литературная газета", №5/90

ОТ ЛЕГЕНД— К ФАКТАМ

Фотография из дела
(архив КГБ)

СМЕРТЬ священника Павла Флоренского в течение пятидесяти лет была темой многочисленных легенд. Назовем их: Колымские лагеря, расстрел во время войны (А. И. Солженицын); Подмоскovie, 1946-й, несчастный случай, убит упавшим бревном (Н. О. Лосский); группа лагерей ФИАК, 60 км севернее Воркуты, поселок Хольмен, берег реки Варга-шор, расстрел (Б. Чирнов); расстрелян после освобождения из Сибирских лагерей (Б. Д. Ситников); расстрелян на Поповом острове Соловецких лагерей; зарезан уголовником в лагере; потоплен на одной из соловецких барж при ликвидации лагеря в 1939-м; скончался в Соловецком лагере от истощения (В. Павловская).

Официальная дата смерти, 15 декабря 1943 г., сообщенная 3 ноября 1958 г. Невским загсом г. Ленинграда после реабилитации, всегда вызывала сомнения. По запросу семьи в июне 1989 г. в управление КГБ СССР по г. Москве и Московской области было произведено расследование обстоятельств осуждения и гибели священника Павла Флоренского.

В связи с этим 24 ноября 1989 г. загс Калининского района г. Москвы выдал семье новое свидетельство о смерти Флоренского со следующими данными: «Грандтаин Флоренский Павел Александрович умер 8 декабря 1937 г. в возрасте 55 лет... Причина смерти — расстрел. Место смерти — область Ленинградская».

В настоящее время вырисовывается следующая картина.

В мае 1937 г. Флоренского переводят из Филипповой пустыни, где он находился с 1935 г., в Соловецкий монастырь («Кремль»). Происходит реорганизация Соловецкого лагеря в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). В конце июня произво-

дится массовые расстрелы заключенных на Секирной горе для очистки лагеря. «В одну из тех ночей исчезли из лагеря (примерно 17—19 июня) П. А. Флоренский и Л. С. Курбас (сообщение И. Л. Кагана). Вероятно, отец Павел был переведен в изолятор (именно тогда прекратилась его переписка с семьей), а затем снова помещен в общие бараки Соловецкого «Кремля» у Рыбных ворот. В течение полутора месяцев до конца ноября 1937 г. с ним там встречался А. Г. Фаворский, который вспоминает: «Ваш дедушка Флоренский на Соловках был самый уважаемый человек — гениальный, безропотный, мужественный, философ, математик и богослов. Мое впечатление о Флоренском, да это и всех заключенных мнение, бывших с ним, — высокая духовность, доброжелательное отношение к людям, богатство души. Все то, что облагораживает человека». 25 ноября 1937 г. особая тройка УНКВД по Ленинградской области приговорила Флоренского к высшей мере наказания. 8 декабря 1937 г. приговор был приведен в исполнение, о чем свидетельствует соответствующий акт, составленный в тот же день комендантом УНКВД Ленинградской области. Последние данные говорят за то, что Флоренского, вероятно, для того, чтобы быть в полной уверенности его уничтожения, могли перевести для расстрела в Ленинград в конце ноября 1937 г.

Духовный облик отца Павла Флоренского последних лет перед мученической кончиной приоткрывают сведения, полученные от В. П. Павловской (1958). «Брат Валентины Павловны, инженер-электрик по специальности, оказался в концлагере вместе с отцом Павлом Флоренским. В письмах, присылаемых сестре, он писал, что у него два отца: Павел — родной отец и Павел — духовный. Сам Владимир Павлович Павловский до лагеря был равнодушен к вопросам религии и скорее был атеист, чем верующий. Духовный переворот произошел в лагере под влиянием отца Павла Флоренского, который многих людей обратил на путь истинный.

CODE:

ITEM: ФЛОРЕНСКИЙ (2)

Первое знакомство произошло в камере, куда В. П. Павловский прибыл после долгой дороги, усталый и истощенный. Ему отец Павел Флоренский предложил поесть, т. к. у него всегда были про запас сухарики и кусочки хлеба, которые ему отдавались на помощь ближнему. П. А. Флоренский работал санитаром в больнице. Многих он поддерживал морально и воспитывал духовно. Его все уважали, в том числе и уголовные. Нередко, когда последние не хотели подчиняться распоряжениям начальства, П. Флоренскому удавалось их уговорить, и все обходилось благополучно. Умер отец Павел Флоренский в лагере от истощения. Когда его выносили из больницы, чтобы похоронить, то все, бывшие на дворе, в том числе уголовные, пали на колени и сняли шапки».

Хотя последние сведения не точны фактически, но чрезвычайно интересны как одна из легенд, характеризующих духовный облик отца Павла.

Просьба ко всем, кто знает что-либо о последних годах жизни священника Павла Флоренского, сообщить его семье.

Игумен АНДРОНИК (ТРУБАЧЕВ)

В канун нового, 1990 года в Советском фонде культуры состоялось очередное заседание Президиума правления под председательством первого заместителя председателя Г. В. Мясникова. В числе прочих вопросов на заседании был утвержден состав комиссии по творческому наследию выдающегося русского мыслителя и ученого священника Павла Флоренского. В комиссию вошли исследователи и публикаторы творчества Флоренского, деятели науки, представители Русской православной церкви, общественности, а также наследники и хранители его архива. Председателем комиссии по творческому наследию Флоренского избран академик Б. В. Раушенбах, в ее состав вошли академик Д. С. Лихачев, член-корреспондент АН СССР С. С. Аверинцев, епископ Ана-

толий Кузнецов, зам. директора Института мировой литературы АН СССР имени А. М. Горького П. В. Палиевский, игумен Андроник, П. В. и Т. В. Флоренские, С. З. и М. С. Трубачевы, Н. К. Бонечная, А. И. Ведерникова, О. И. Генисаретский, С. С. Демидов, Е. В. Иванова, С. Л. Кравец, А. В. Михайлов, А. Н. Паршин, С. М. Половинкин, А. М. Стрижев, С. С. Хоружий. Цель комиссии — объединить усилия всех культурных сил страны в деле изучения и пропаганды наследия священника Павла Флоренского, издания его сочинений. Просим все материалы о жизни и творчестве Флоренского направлять в комиссию по адресу: 121019, г. Москва, Гоголевский бульвар, дом 6; Советский фонд культуры, комиссия по творческому наследию П. А. Флоренского.

-1-

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

ВЕДЕТ РУБРИКУ
ВИТАЛИЙ ШЕНТАЛИНСКИЙ

Отец Павел Флоренский. 1912 г.

**УДЕЛ
ВЕЛИЧИЯ**

Святость — еще одно слово, чуть не ушедшее из словаря, почти устаревшее в наше время. До святости ли, когда трудно даже просто сохранить человеческое лицо. Когда надо быть чуть ли не святым, чтобы остаться человеком!..

Пухлый том следственного дела. Открыл — и сразу захлопнул. Лица, лица, молодые и старые, мужские и женские — несколько страниц, сплошь заклеенных фотографиями, — и уже знаешь: все эти люди обречены, так или иначе рано или поздно — погублены...

Захлопнул и, собравшись с духом, открыл снова.

Восемьдесят человек — богословы, священники, монахи, ученые, мастеровые, торговцы, медсестры, крестьяне — всех их объединила карающая рука ОГПУ и общая «вина» — вера в Бога. Единственная достоверная «вина», ибо все другие обвинения выдуманы, фальшивы. Вчитываюсь в ворох ордеров, протоколов, справок, квитанций, пытаюсь разглядеть в лучине, которая поглотила всех этих людей, судьбы.

Одно имя среди них — великое. Павел Александрович Флоренский — мыслитель, ученый, священник, писатель. Сегодня его называют «русским Леонардо», изучают во всем мире, православная церковь собирается канонизировать его как святого — мученика XX века. А здесь, в следственном деле 1928 года он преступник, опасный для общества элемент, мракобес. С этого времени он будет состоять под постоянным надзором, преследоваться до самой кончины.

В одном Павлу Флоренскому повезло: его семья, внуки суют зерна его мудрости по всему свету, берегут их для будущих всходов. И все же до сих пор последняя пора его жизни — самая скрытая от нас, запечатанная в секретных архивах, овеянная домыслами и легендами. Неизвестна даже точная дата смерти, как и где он погиб...

И вот следственные материалы о Флоренском впервые предстают свету гласности. Они — перед нами. Может быть, теперь откроется тайна?

blue-red

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ — МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

-2-

1

В мае 1928 года ОГПУ провело масштабную операцию в Сергиевом Посаде и его окрестностях: арестовало и перевезло в Бутырки большую группу верующих — служителей церкви и мирян. Операция планировалась как двойной удар — по церкви, уже основательно обескровленной, и по остаткам дворянского сословия, в том числе высшей аристократии, которые спасались возле Троице-Сергиевой лавры, как во все времена спасались люди в храмах от последней гибели.

Перед этим прогремела «артподготовка»: газеты и журналы печатали из номера в номер обличительные, гневные памфлеты и фельетоны об окопавшемся в Сергиевом «контрреволюционном отродье». «Гнездо черносотенцев под Москвой!», «Троице-Сергиева лавра — убежище бывших князей, фабрикантов и жандармов!», «Шаховские, Олсуфьевы, Трубецкие и др. ведут религиозную пропаганду!». Общественное мнение было подготовлено. Заработали «органы», машина ОГПУ.

На допросах большинство участников заявили о своем признании Советской власти или, во всяком случае, об аполитичности («всякая власть — от Бога», «соввласть меня не трогает, и я к ней не касаюсь»). Некоторые были настроены фатально, как Софья Тучкова (по отцу графиня Татищева), сестра милосердия: «Я никогда и нигде не говорила против совласти, так как я считаю, что в жизни такой переворот явился естественным образом в процессе хода истории. Об осквернении храмов со стороны совласти я также нигде не говорила, что я также считала естественным событием истории, хотя первое время для меня как религиозной было тягостно».

Пожалуй, одна только дочь Саввы Мамонтова, Александра, — художница и бывшая владелица Абрамцевской усадьбы — показала характер: «Сторонницей совласти не являюсь вследствие гонения на религию и притеснения верующих. Кто у меня бывал, предпочитает не называть...» А игумен Параклитовой артели (монастыря) Ларин твердо заявил: «От служения церкви, пока существую на свете, не откажусь!»

Но что бы они ни говорили, как бы себя ни вели, все были отнесены к социально вредным элементам. Формулировалось это однотипно и безграмотно: «как бывший монах, не сочувствующий соцстроительству, принимая во внимание его службу монахом, подходит к монархическому строю» или «как бывшая дворянка, принимая во внимание сочувственное отношение к монархии»... Оказаться священником или дворянином было уже преступлением, а еще хуже, если найдут при обыске фотографию царя или царской семьи (искали специально) — это уже вещественное

доказательство. Иеромонаху монастыря Киновия Якову Порошину поставили в вину то, что поминал на богослужении царя, старику инвалиду Александрову — что носит николаевскую медаль и «форменный кафтан времен царизма».

Правда, среди этих разноликих людей попался и один бывший жандармский подполковник — Михаил Банин, который когда-то «вербовал секретных сотрудников, руководил их деятельностью и производил аресты революционеров». Так он и в советское время, как гласит вшитая в дело справка, «состоял секретным осведомителем ОГПУ по Сергиевскому уезду». Банину и тут «было предложено помочь ОГПУ. Однако он от этого отказался...». За что, видимо, и получил жестокий приговор — десять лет концлагеря — и был отправлен на Соловки.

Ордер на арест Флоренского подписал Генрих Ягода. 21 мая сотрудник ОГПУ, «комиссар активного отделения» Жилин исполнил предписание шефа: арестовал Флоренского и произвел у него обыск, в доме 19 на улице Пионерской. Сообщение обо всем этом передано в Москву в десять часов утра.

На Лубянке, в комендатуре ОГПУ, арестованному дали заполнить анкету. Флоренский Павел Александрович, русский, 46 лет, из дворян, сын инженера, родился в местечке Евлах, Азербайджан, окончил Московский университет и Московскую духовную академию. Семья — жена, три сына и две дочери. Профессия — научная деятельность, место работы — заводделом материаловедения Государственного электротехнического института, редактор «Технической энциклопедии». Бывший профессор Московской духовной академии. Привлекался к судебной ответственности в 1906 году за проповедь против казни лейтенанта Шмидта.

В анкете Флоренский сделал примечание: «При обыске взяты: жетон Красного Креста, полученный после возки раненых с фронта, и фотографический снимок царской встречи, переданный мне, вместе с другими снимками, после смерти одного духовного лица».

Никакого обвинения заключенному предъявлено не было.

25 мая Флоренский дал такие показания на допросе:

«Фотокарточка Николая II хранится мною как память Епископа Антония. К Николаю я отношусь хорошо и мне жаль человека, который по своим намерениям был лучше других, но который имел трагическую судьбу царствования. К совласти я отношусь хорошо и веду исследовательские работы, связанные с военным ведомством секретного характера. Эти работы я взял добровольно, предложив эту отрасль работы. К совласти я отношусь как к единственной реальной силе, могущей про-

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ — МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГНЕК" №45/90 стр. 23-27

вести улучшение положения массы. С некоторыми мероприятиями совла- сти я не согласен, но безусловно против какой-либо интервенции, как военной, так и экономической.

Никаких разговоров с кем-либо о тех мероприятиях, с которыми я не со- гласен, я не вел».

29 мая было готово обвинительное заключение:

«Согласно имеющимся агентурным данным, Секретному отделу ОГПУ было известно, что нижепоименован- ные гражданае, проживая в г. Сергиеве и частично в Сергиевском уезде и буду- чи по своему социальному происхожде- нию «бывшими» людьми (княгини, кня- зья, графы и т. п.) в условиях оживле- ния антисоветских сил, начали пред- ставлять для соввласти некоторую угрозу, в смысле проведения мероприя- тий власти по целому ряду вопросов. Имеющиеся в распоряжении СО ОГПУ агентурные данные стали подтверж- даться на страницах периодической пе- чати...»

К делу приложены вырезки из газет и журналов — пресса используется в качестве доносчика и провокатора.

В «Рабочей газете» от 12 мая некто А. Лясс пишет: «В так называемой Троице-Сергиевой лавре свили себе гнездо всякого рода «бывшие», глав- ным образом, князья, фрейлины, попы и монахи. Постепенно Троице-Сергиева лавра превратилась в своеобразный черносотенный и религиозный центр, причем произошла любопытная переме- на властей. Если раньше попы находи- лись под защитой князей, то теперь князья находятся под защитой попов...»

Лавра — теперь музей — посещается рабочими экскурсиями. Казалось бы, этот музей мог стать великолепным орудием антирелигиозной пропаганды... Вскоре после Октябрьской революции монастыри — эти гнезда дармоедов и паразитов — были разогнаны. Однако монахи решили иначе и приспособились к существующим условиям... Такое по- ложение дальше терпимо быть не мож- ет. Гнездо черносотенцев должно быть разрушено. Соответствующие ор- ганы должны обратить на Сергиев осо- бое внимание».

Ляссе подпевал спецкор «Рабочей Москвы» М. Ам-ий (17 мая): «Под но- вой маркой

Древние стены 6. Троице-Сергиевой лавры — безмолвные свидетели седой старины. Сколько могли бы они пове- дать миру о тех безобразиях, которые здесь совершались. Сотни и тысячи мрачных повестей крепко, упорно хра- нят они под пылью веков. Революцион- ный шторм почти не тронул вековых стен бывшей цитадели разврата. И де- сять лет прошли мимо, не тронув этой плесени.

На западной стороне феодальной стены появилась только вывеска: «Сер- гиевский государственный музей». При- крывшись таким спасительным паспор-

том, наиболее упрямые «мужи» устрои- лись здесь, взяв на себя роль двуногих крыс, растаскивающих древние ценно- сти, скрывающих грязь и распростра- няющих зловоние. Богатейший источ- ник антирелигиозной пропаганды прев- ратился в рассадник поповщины.

Поповские «труды»

Некоторые «ученые» мужи под мар- кой государственного научного учре- ждения выпускают религиозные книги для массового распространения. В большинстве случаев это просто сборники «святых» икон, разных распя- тий и прочей дряни с соответствующи- ми текстами... Вот один из таких те- кстов. Его вы найдете на стр. 17 объе- мистого «научного» труда двух ученых сотрудников музея — П. А. Флоренско- го и Ю. А. Олсуфьева, выпущенного в 1927 г. в одном из государственных издательств под названием «Амвросий, троицкий резчик XV века». Авторы этой книги, например, поясняют: «Из этих девяти темных изображений (речь идет о гравюрах, приложенных в конце кни- ги. — М. А.) восемь действительно отно- сятся к событиям из жизни Иисуса Хри- ста, а девятое — к усекновению головы Иоанна».

Надо быть действительно ловкими нахалами, чтобы под маркой «научной книги» на десятом году революции да- вать такую чепуху читателю Советской страны, где даже каждый пионер знает, что легенда о существовании Христа не что иное, как поповское шарлатанство.

Питая читателя такой дрянью, засев в стенах этого богатейшего хранилища, мужи всячески препятствовали тому, чтобы запыленные документы о про- шлом лавры стали общим достоянием трудящихся масс...

Наконец-то!

Лишь на днях, в связи с шумом, под- нятым газетами о Сергиеве, сюда при- была комиссия Главнауки и опечатала архив... Но вот попробуйте теперь, про- верьте и найдите виновников, когда славный хранитель архива, происходя- щий из князей, бывший тоже какой-то «преосвященный» отец Серафимович, кажется, на второй же день приезда комиссии взял да и умер...»

Дело «прокручивалось» быстро и «скопом»: 8 июня судьба всех аресто- ванных по этому делу, содержащихся в Бутырьках, была решена. В протоколе заседания Особого совещания при кол- легии ОГПУ Флоренский идет под номе- ром 25: «Из-под стражи освободить, ли- шив права проживания в Москве, Ле- нинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ро- стове-на-Дону, означенных губерниях и округах с прикреплением к опре- деленному месту жительства, сроком на три года».

14 июля Флоренский отправляется в Нижний Новгород, выбранный им как место жительства «в распоряжение Ни- жегородского ОГПУ».

Службная записка разъясняет про- цедуру высылки: «Обвиняемых надле- жит отправлять, снабдив соответствующ-

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ - МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

-4-

щими проездными документами. Выезд каждого из осужденных должен быть произведен с таким расчетом, чтобы последние не имели возможности разгуливать свободно по городу, а были бы сопровождаемы на поезда сотрудниками».

К счастью, ссылка Флоренского длилась недолго. Последовало новое постановление Особого совещания: «досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР». Уже в сентябре он вернулся домой. Его оставили в покое на пять лет.

2

Второй арест последовал 25 февраля 1933 года. «Поп-профессор, по политическим убеждениям — крайне правый монархист», — такая характеристика дана в справке на арест. «Член центра контрреволюционной организации «Партия Возрождения России». Обличается показаниями обвиняемых профессоров Гидулянова, Остроухова и члена контрреволюционной организации Жирихина».

Арест и обыск на московской служебной квартире Флоренского — Лефортово, Проломный переулок, дом 43, квартира 12 — производил сотрудник ОГПУ Корнеев. Изъято холодное оружие — кавказские клинки, шашка, тесак, охотничьи патроны, а также книги и две рукописи — «У водоразделов мысли» и «Воспоминания детства» (рукописи были вскоре возвращены жене Флоренского Анне Михайловне).

Вел дело уполномоченный ОГПУ Московской области Шупейко.

28 февраля датированы собственноручные показания Флоренского. В этом месте листы дела были подмочены, поэтому текст, написанный красными чернилами, поплыл, страницы будто залиты кровью. Писал Флоренский мучительно: сначала черновик на трех страницах, потом — на пяти — развитие версии и, наконец, дополнение — именно, схема контрреволюционной организации. «Сознавая свои преступления перед Советской властью и партией, настоящим выражаю глубокое раскаяние в преступном вхождении в организацию национал-фашистского центра...»

Что же случилось с Флоренским? Почему он вдруг начал клеветать на себя?

В деле сохранился документ, подробно излагающий весь ход следствия, вернее то, как следствием создавалось дело. Это письмо однодельца Флоренского, профессора-правоведа Павла Васильевича Гидулянова, написанное им прокурору уже после осуждения ссылок в Алма-Ате. Гидулянов был арестован раньше Флоренского, в январе 1928 года, и поступил на следственный «конвейер» первым. Он пишет: «Началось с допроса, «како веруши».

Все мои рукописания с ссылками мою служебную и научно-литературную

деятельность рвали, комкали и часто бросались в лицо.

На обвинение, что я монархист и верующий, я указывал, что убежденный монархист не напечатал бы статьи об обожествлении Романовых, а истинные православные пришли в ужас от моей научной и практической деятельности на страницах «Революции и церкви», журнала «Атеист», «Научный атеизм» и т. д. И после моей работы о колоколах порвали со мной общение.

На это мне было заявлено, что вся моя служебная и писательская деятельность — маскировка. В результате мой следователь — молодой человек Шупейко — сам формулировал мои контрреволюционные убеждения в таком стиле, от которого я пришел бы в ужас на воле, и заставил меня их подписать, заявляя, что убеждения у нас не наказуемы, и в случае, если я не подпишу его формулировку, то он за меня сам распишется.

После этого начался мучительный для меня период вынужденного признания меня участником контрреволюционной организации в составе профессоров — С. А. Чаплыгина, Н. Н. Лузина и П. А. Флоренского. Организация эта будто бы образовалась в 1932 году.

Из названных лиц с профессором Флоренским я никогда не был знаком и видел его в первый раз в жизни во время очной ставки в ОГПУ, почему принужден был ему отрекомендоваться...

Вся моя жизнь в 1931 и 1932 годах проходила на людях в непрерывной работе в Центральном антирелигиозном музее и Московском областном архиве, где я работал и днем, и ночью... Во избежание всяких разговоров и расспросов, что пишут за границей, я отказался в 1931—32 гг. от чтения иностранных газет. Опасаясь обвинения в связи с заграничьем, я побоялся ответить берлинскому издателю на письмо разрешить перевести на немецкий язык и издать в Берлине мою книгу о колоколах.

Однако все мои заявления с просьбой проверить все сказанное встречались смехом и всякого рода издавательскими над моей личностью.

Пока дело шло о насилиях и грубостях, я держался стойко. Тогда перешли на другой путь. Отношение ко мне стало необычайно доброжелательным и мягким, меня перевели в камеру с улучшенным питанием. Шупейко заявил, что я — жертва, что я не знаю, что такое ОГПУ, что не надо никому верить, но только ему одному, ибо он мой судья, и следователь, и прокурор, и защитник, что мне ничто не угрожает, что меня выпустят на свободу и дадут по-прежнему заниматься наукой, но что мне нужно разоружиться, отдать себя целиком во власть и на милость ОГПУ.

Но для доказательности действительного разоружения мне нужно признать самого себя участником контрре-

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ - МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

волюционной организации, причем чем серьезнее будут возводимые на себя самого преступления, тем, значит, будет рассматриваться чистосердечное — мое сознание и искреннее-раскаяние.

Апологетом этой теории саморазоружения был некий агроном Колечиц, в камеру которого я был посажен. Через Колечица корректировались мои показания, указывалось, что я должен исправить, и Колечиц разъяснял, по его собственному выражению, «эзоповский язык СПО ОГПУ».

Лейтмотивом всего этого было то, что от меня в целях разоружения требуется не правда, а правдоподобие.

Как ученый историк-процессуалист, во всем этом я узрел своеобразную форму очистительного процесса, каким в раннее средневековье была *purgato vulgals*, а позднее — *purgato canonica*, т. е. каноническое очищение, покоившееся на германском воззрении, что в случае заявленного подозрения, даже при отсутствии всяких улик, подозреваемый не считается невиновным, но для доказательства своей невиновности он со своей стороны должен совершить некоторые действия, которые служили бы подтверждением его невиновности. В феодальный период такими действиями были ордалии, «Суд Божий», затем присяга и т. д.

Усыпив себя учеными параллелями и будучи совершенно не искушен в приемах подобного образа действий следственных органов и во всякого рода провокациях, я уверения о разоружении принял за чистую монету и, чтобы угодить ОГПУ, стал «стараться», и чем больше требовали доказательства моего раскаяния, тем больше я сам на себя клепал.

При таких обстоятельствах я всецело отдал себя во власть СПО ОГПУ и сделался режиссером и первым трагическим актером в инсценировке процесса националистов, превращенных волею ОГПУ в национал-фашистов.

В целях саморазоружения я объявил себя организатором Комитета национальной организации, которая после ряда попыток в стенах ОГПУ была окрещена «национальным центром», причем членами этого мифического комитета были указанные мне и уже сидевшие в ОГПУ мои коллеги Чаплыгин, Лузин и Флоренский.

В видах вящего раскаяния главную роль пришлось мне взять на себя. Я де смесся с Флоренским в Загорске, а через него вступил в связь с Чаплыгиным и Лузиным. Так создался мифический комитет! Председатель — Чаплыгин, я — секретарь, Флоренский — идеолог и Лузин — для связи с заграницей.

Платформу партии националистов я же сам состряпал при любезном содействии начальника СПО Радзивиловского, собственноручно записавшего мое «развернутое показание».

Партия националистов открывает

свои действия после взятия Москвы и военной оккупации России немцами, причем в основе платформы был положен принцип «Советы без коммунистов» под покровом буржуазного строя.

В результате этого фантастического «развернутого показания» Радзивиловским была мне обещана свобода и возврат к моим научным занятиям в архиве. Поощренный этим обещанием, я пошел дальше по пути самооговаривания и поклепа, главным образом на себя. Я признался, что я де и раньше принадлежал к организации «Возрождение России», о коей услышал лишь в ОГПУ от Шупейко, так как с петербуржцами Платоновым, Тарле, Лихачевым и др. не был знаком и не имел никакой связи...

Обработка меня Шупейко производилась таким образом, что он вызывал меня к себе и путем наводящих вопросов и подсказываний натаскивал в желательном ему направлении, затем все это я «переваривал». Таким образом получалось «литературное произведение» (выражение самого Шупейко), которое излагалось мною на бумагу, как «сухая» или «истинная» правда, под которой подписывался: «писал собственноручно и в соответствии с действительностью».

С течением времени откровенность Шупейко доходила до того, что я под его диктовку писал все, что ему хотелось и все это мною делалось и воспринималось, как разоружение. В награду за это обещалась свобода...

Гидулянов стал настоящей находкой для ОГПУ. Он назвал десятки людей из среды интеллигенции — всех, кого мог вспомнить, и всех привязал, втянул в дело. Потом его формулировки следователь внедрял в показания других осужденных — слово в слово. Выстраивалась целая цепочка самооговоров, которая связывала всех вместе в единый «преступный» узел. По отношению к Флоренскому фантазия Гидулянова особенно разрезвилась: «Идеологом идеи национализма в духе древнемосковского православия, государственности и народности на правом крыле нашего ЦК был профессор Флоренский как выдающийся философ и богослов... Флоренский по нашему плану являлся духовным главой нашего «Союза», с одной стороны, и с другой — организатором подчиненных ему в порядке духовной иерархии троек среди духовенства московских «сорока сороков» и на периферии, а равно троек среди сохранившегося кое-где монашества...»

Дело состряпано. Нужные следствию показания дали и несколько других арестованных. Флоренский отрицает вину. Тогда следствие организует очную ставку его и Гидулянова.

Гидулянов: «На устроенном мне Радзивиловским свидании я убеждал профессора Флоренского последовать нашему примеру и чистосердечно сознаться, ибо он своим упорством препятствует нашему освобождению. Флоренский понял меня и тоже пере-

-5-

blue-red

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ — МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

-6-

шел на путь самооговаривания, что я понял со слов Шупейко, потребовавшего сообщить ему фамилию того немца-электротехника, с которым я будто бы был у Флоренского.

Я окрестил этого фиктивного немца «Людвигом Штейном» и сделал его иезуитом, делегированным де папой в Россию для свидания со мной в целях заключения унии...

Дальше с Национальным центром связали по моей линии некоего Остроухова с его будто бы организацией и некоего Каптерева... Непреодолимым и самым мучительным для меня требованием Шупейко было указать, кто входил в организации Остроухова и Каптерева, ибо, естественно, что я никого не мог указать и ссылался на слабость памяти. В июне — июле я со слов Шупейко написал неведомые мне фамилии нескольких лиц, входящих в организацию Каптерева. До этого ни лиц, ни фамилий этих я никогда не знал и не слышал».

Свидетельствует П. Н. Остроухов (письмо 28 мая 1937 г. Ежову с Соловков, с просьбой о помиловании):

«Меня обвинили и связали с какой-то организацией, о которой я и понятия не имел и не имею. Просидев в тюрьме с января по июль 1933 г. и доведенный до отчаяния и находясь в полной аберрации, боясь за судьбу своей семьи, чтобы спасти хоть ее от гибели, разорения и высылки, я принял на себя вину, сам не отдавая себе отчета, в каких преступных действиях против Советской власти я разоружаюсь и сознаюсь...

Снова честно заявляю, что с академиком Платоновым, ни с другими контрреволюционными группами и организациями я ничего не имел и принял на себя вину, исключительно желая спасти свою семью от всяких излишних терзаний и неприятностей и желая вообще спасти ее от гибели...

Доведенный до отчаянья, находясь в аберрации и полунормальном состоянии, я и принял на себя вину, не зная, в чем виноват, особенно за последние одиннадцать лет своего проживания и работы в Москве на глазах ОГПУ».

Свидетельствует С. Н. Каптерев (показание при реабилитации, в 1958 г.):

«Следствие велось в грубейшей форме (матерной) и сводилось к требованию признания, что я состою в тройке активных врагов Советской власти, в одной организации с профессорами Чаплыгиным, Лузиным, Флоренским, Любовским и другими, которых теперь уже не помню и которые давно умерли... Никаких конкретных обвинений и ни единого факта мне предъявлено не было, не показано никаких документов... Все мои показания, имеющиеся в деле, составлены следователем и предъявлены в готовом виде для под-

писи под угрозой расстрела и содержали туманную политическую программу, заимствованную ее автором — следователем — по-видимому, из программы партии кадетов...

P. S.: Могу еще дополнить, что мой брат Павел Николаевич Каптерев, привлеченный со мной одновременно по тому же делу, рассказывал мне после своего освобождения, что следствие велось теми же следователями с применением тех же приемов в виде угрозы расстрелом...

Итак, следствие использовало весь набор средств: запугивание, принуждение, обман, подкуп, провокатора — и в конце концов добилось своего, выжало из арестованных признание «вины». 3, 4 и 5 марта на допросах Флоренский уже повторяет версию Гидулянова, «развив» ее по требованию следователей. Тяжело читать все эти фантастические выдумки, похожие на бред. Роль Флоренского в этом театре абсурда трагична. И все же добавления его, по сравнению с версией Гидулянова, местами весьма любопытны — их «контрреволюционность» напоминает «революционность», новации нынешней перестройки. Создается впечатление, что Флоренский иногда использовал лживый сценарий, чтобы выразить некоторые истинные свои соображения, произвольно высказывая сокровенное.

Например: «В основу народного образования должны лечь принципы децентрализации, дезунификации: средние и высшие школы должны быть разбросаны по возможности вне больших городов, причем должно быть создано много различных типов... Особое внимание должно быть обращено на создание литературы для широких масс — учебников, справочников, техпропаганды и прочей литературы, которая поручалась бы самым первоклассным силам страны.

В отношении промышленности должен быть проведен лозунг качества как борьба против дешевки и низкого качества продукции, связанных с чрезмерностями конвейерной системы; в частности, мерой в этом случае могло бы служить создание заводов не слишком большого размера, что, естественно, получилось бы при ограничении капитализма... В области сельского хозяйства борьба за качество должна выражаться в значительном усилении работ по селекции и созданию особых инспекторов качества культивируемых пород, не говоря о других общеизвестных мерах...

Видно, как Флоренский, борясь с собой и уступая своему чистосердечию, порой по существу перечеркивает смысл своих «признаний», открывает правду: «Тактические мероприятия национал-фашистским центром были

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ — МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

весьма не разработаны и составляли самое слабое его место. Объясняется это участием деятелей науки, которые никогда не были политиками и не принимали участия в деятельности ни подпольной, ни надпольной... Тактические мероприятия всегда оставались на последнем месте и для нахождения их форм ни у кого из участников не хватало ни знаний, ни опыта, ни веры...» Флоренский чертит и схему организации, тут же добавляя, что она «фактически не реализовывалась» и что о «фактическом привлечении» указанных в ней лиц ему «ничего не известно».

И дальше уж совсем удивительное признание: «Я, Флоренский Павел Александрович, профессор, специалист по электротехническому материаловедению, по складу своих политических воззрений романтик Средневековья примерно XIV века...» Такой вот фашист!

4 марта, видимо, с целью найти компромат, был произведен еще один обыск на квартире Флоренского. Протокол обыска — интересное описание дома ученого, антураж которого явно поразил сотрудников ОГПУ — в записи проглядывает и удивление, и зависть.

«При обыске изъято ничего не было, так как книги «Стопп и утверждение истины» и других книг по мистике, а также порнографии не оказалось. Жена Флоренского... очевидно, была готова к обыску, она заявила нашему сотруднику: «Вы, очевидно, ищете его рукописи», — и, открыв большой шкаф, показала очень большое количество «палок для бумаг», в которых хранятся рукописи мужа по разным вопросам науки, связанным с его работой в институте. Флоренский занимает большой собственный дом в пять-шесть больших комнат, имеет кабинет, в котором сосредоточена его громадная библиотека, находящаяся в шкафах размером вплоть до потолка (как в кабинете, так и в соседней комнате). Кроме этого у него имеется ряд коллекций по старинной монете, металлу и другим ископаемым...»

Красочное описание библиотеки, видимо, не осталось без внимания на Лубянке — вскоре ее увезут.

Был и третий обыск — 25 ноября — не обыск, а настоящий разбой, учиненный неугомымым Шупейко. Они явились в отсутствие хозяев, вырезали замок из входной двери, взломав комнату сына Флоренского, забрали часть его вещей, прихватили даже посуду на кухне, потом произвели опись вещей в двух опечатанных комнатах с целью их конфискации, запретив управдому показывать эту опись хозяйке.

В мае главный редактор «Технической энциклопедии», известный революционер Людвиг Карлович Мартенс делает мужественную попытку помочь Флоренскому. Он направляет в ОГПУ,

на имя Миронова, письмо: «Во время процесса вредителей я обращался к Вам с просьбой обратить внимание на профессора П. А. Флоренского, арестованного органами ОГПУ еще в феврале с. г. Профессор Флоренский является одним из крупнейших советских ученых, судьба которого имеет очень большое значение для советской науки вообще и для целого ряда наших научных учреждений. Будучи уверен, что его арест является плодом недоразумения, еще раз обращаюсь к Вам с просьбой лично познакомиться с делом. С коммунистическим приветом».

Обращение это было оставлено без внимания.

30 июня Радзивиловский утверждает обвинительное заключение — целый «труд» на тридцати страницах. «ОГПУ Московской области раскрыта и ликвидирована контрреволюционная национал-фашистская организация, именовавшая себя «Партией Возрождения России». Все правильно, заслуга действительная, надо только добавить, что и создана была эта партия тоже ОГПУ!

Организацию возглавлял руководящий центр в составе профессоров Флоренского, Гидулянова и академиков Чаплыгина и Лузина. Она возникла фактически из уцелевших от разгрома остатков ликвидированной ОГПУ в 1930 г. монархической организации «Всенародный Союз борьбы за возрождение России», возглавляемой академиком Платоновым и др. Была установлена связь и с белогвардейской эмиграцией и устроено конфиденциальное свидание с Гитлером...» Вот ведь как разыгралась фантазия!

Всего в обвинительном заключении фигурирует двенадцать человек, из них, по случайности, кроме Флоренского, еще пять Павлов, в том числе и Гидулянов, и Остроухов, и Каптерев... Материалы об академике Чаплыгине и Лузине из дела выделены (стало быть, пока отложены), но с такой пометкой: «Окраска: контрреволюционная интеллигенция». До другого раза! Гидулянов писал в своем письме в 1934 году: «Лишение меня возможности научной работы для меня особенно обидно при сравнении моей участи с положением моих сопроцессников — профессора Чаплыгина и Лузина. Благодаря своей специальности оба они не только на свободе, но еще недавно профессор Чаплыгин удостоен ордена Красного Знамени».

Обвиняемые «виновными себя признали полностью». Дело было представлено на рассмотрение Особой тройки ОГПУ Московской области. Через месяц, 26 июля, Флоренский был осужден «тройкой» по статье 58 пп. 10.11 на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Подробности «суда» — тоже в письме Гидулянова: «Перед свиданием с прокурором в июле 1933 г. Шупейко натаскивал меня в том, как я должен держать себя с прокурором и что

-7-

blue-red

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ — МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

-8-

я ему должен показывать, причем советовал мне не церемониться с прокуратурой, так как моя судьба зависит не от прокурора, но от ОГПУ, ибо в тройке ОГПУ — два члена от ОГПУ и один от прокуратуры.

При таких условиях для меня явился полной и ошеломляющей неожиданностью перевод 31 июля в Бутырки и сообщение 1 августа приговора о высылке этапом в Казахстан сроком на десять лет со сдачей дела в архив...

Тут только я понял, в какую пропасть меня под флагом разоружения довели моя доверчивость, неопытность «в сих делах» и отсутствие гражданского мужества.

Делая постановление о моей высылке, руководители СПО ОГПУ не могли не знать, что все мои показания — липа. Они отлично понимали, что все мои показания — «литературные произведения» и инсценировка и притом нелепая, так как при проверке все рухнет, как карточный домик...

Рухнуло — но только через четверть века. При реабилитации в постановлении Московского горсуда было сказано: «В деле не имеется материалов, которые послужили бы основанием к аресту Флоренского (и других лиц, проходивших по делу). Свидетели не допрашивались, лица, принимавшие участие в расследовании данного дела, осуждены за фальсификацию. Флоренский (и другие лица) осуждены были несправедливо при отсутствии доказательства их вины».

В конце своего письма Гидулянов подвел итог случившемуся: «Ссылку я воспринял как заслуженное мною возмездие за мою мягкотелость и глупое поведение в ОГПУ и с ссылкой ныне я примирился... Я опасаясь мести со стороны агентов ОГПУ. Они грозили Соловками моей жене в случае обращения с жалобой о конфискации моей библиотеки. Отсюда я боюсь, что эта же участь постигнет меня, если я лично обращусь с заявлением об отмене несправедливого постановления о конфискации моего научного кабинета...

Настоящее письмо к Вам — это моя тайная исповедь, по отношению к которой я прошу соблюдения тайны исповеди. Сам я пишу эту исповедь в одном экземпляре и без черновиков, хотя от меня в ОГПУ не взяли ни подписки, ни честного слова о тайне всего там происходящего, но все же я не хочу огласки всего происшедшего со мною в стенах Московского ОГПУ: пусть все это останется в тайне и умрет вместе со мной.

Прося прощения за мою откровенность, остаюсь всегда готовый к Вашим услугам, профессор П. Гидулянов. «Dixi et animam levavi». («Я сказал и облегчил душу». — Лат.)

«Умрет вместе со мной...» Тут он ошибся. Адресат Гидулянова, получив

письмо, тут же отдал его в ОГПУ, где его и пришили к делу. Своей старательностью перед следователями Гидулянов заработал себе более мягкий приговор в сравнении с другими — высылку вместо концлагеря. Но не спасся и письмом своим, может быть, приговорил себя: в 1937 году он был вновь арестован и расстрелян.

Дальнейшие подробности о Флоренском можно узнать из доверенности на получение денег и вещей, отобранных у него при аресте, — эту доверенность Флоренский писал для жены 19 октября уже в 5-м лагпункте Бамлага. Флоренский делает из доверенности как бы письмо, старается побольше сообщить о себе. 9 августа его перевели в пересылочный корпус Бутырской тюрьмы, а 13 августа отправили по этапу в Сибирь. Откуда, как известно, через год он был перевезен на Соловки.

3

Мы приближаемся к роковому рубежу, к последним годам, месяцам, дням жизни Павла Флоренского.

В середине второго тома следственного дела 1933 года вшито еще одно дело, попавшее сюда с Соловков, под своим, особым номером.

Это дело в деле начинается «Справкой на Флоренского П. А.», без даты, но с подписью начальника Соловецкой тюрьмы ст. майора Аптера и его помощника капитана Раевского. Справка гласит: «В лагере ведет контрреволюционную деятельность, восхвалял врага народа Троцкого».

Далее следуют один за другим однотипные документы с пометкой «Совершенно секретно» — так называемые «агентурные донесения», а проще — доносы лагерных стукачей, которые как оказалось, плотно «держали» Флоренского на Соловках и докладывали начальству о каждом его шаге. Так вот получается, что благодаря их усердию мы можем теперь узнать кое-что о последней поре жизни Флоренского. Каждая такая бумажка помечена еще крупными буквами «АСЭ» — «антисоветский элемент». Сокращения з/к и с. расшифровываются соответственно — заключенный и секретный сотрудник. Доносы именуются «рабочими сводками», указано и подразделение, стережущее Флоренского, — группа СПО, 3-я часть 8-го Соловецкого отделения ББ (Беломорско-Балтийского канала).

Вот несколько образцов этого жанра. «С/с «Хапанели»

Прин.[ял] нач. 3 ч.[асти] Акимов
23 сентября 1935 г.

1935 г. 10 сентября, в комнате кухонного корпуса, где живут профессор Флоренский П. А., Литвинов и Брянцев велся разговор на следующую тему.

Брянцев говорит, что он слышал по радио, где передавали, что в Австрии за антигосударственные преступления

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ - МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

дали: одному полтора года, другому - 10 месяцев и третьему - 9 месяцев каторжных работ. Далее он поясняет: что если бы у нас в СССР сделали такое преступление, то наверняка дали бы «вышку» или в лучшем случае - 10 лет через «вышку».

Флоренский говорит, что «да, действительно, у нас в СССР... карают даже ни за что».

Далее разговор переходит на тему о том, как кто сидел на Лубянке и как, как допрашивали.

Флоренский говорит, что меня следователь допрашивал все о том, чтобы я назвал целый ряд фамилий, с которыми я якобы вел несуществующие в действительности контрреволюционные разговоры. Но после моего упорного отрицания мне следователь сказал, что-де, мол, нам известно, что вы не состоите ни в каких организациях и не ведете никакой антисоветской агитации, но на вас, в случае чего, могут ориентироваться враждебные Советской власти люди, что вы не устоите, если вам будет предложено выступить против Советской власти. Вот почему, говорит далее Флоренский, дают такие большие срока заключения, то есть ведется политика профилактического характера, заранее предотвращают преступления, которые и могут даже быть. Следователь мне и далее говорил (говорит Флоренский), что мы не можем так поступать, как поступало царское правительство, которое показывало на совершившихся преступлениях, нет, мы предотвращать должны, а то как же так, ждать, пока кто-либо совершит преступление, тогда его и наказывать, нет, так далеко не пойдет, надо в зародыше пресекать преступление, тогда будет прочнее дело.

После этого Литвинов говорит, что при такой политике весь СССР перебудет в лагерях...

Брянцев говорит о том, что настоящее внутривластное положение таково, что даже нет покоя и членам партии.

Флоренский: «Да, очень много сейчас сидят в изоляторах видных старых большевиков...»

Флоренский и Брянцев говорили о Германии, о политике Гитлера, что политика Гитлера очень схожа с политикой СССР (Брянцев). Правда, она, эта политика, очень грубая, но довольно меткая (Флоренский)...

13 сентября с. г. в помещении кузнечного корпуса з/к Флоренский Павел Александрович разговаривал с з/к Литвиновым Романом Николаевичем на тему о лагерной жизни, и оба они рассказывали друг другу, за что высланы на Соловки.

В процессе разговора Литвинов сказал: «К концу второй пятилетки половина СССР перебудет в лагерях, так как хватают всех и как попало».

Продолжая этот же разговор, з/к Флоренский высказывался: «Наша жизнь после лагерей будет вся измята, и если, после нашего освобождения, возникнет в стране какое-либо явление ненормального характера, то сейчас же опять в первую очередь посадят».

Продолжая беседу, з/к Литвинов сказал: «Со мной во время предварительного следствия сидел один человек (фамилию он не назвал), который получил три года за то, что стрелял в портрет Калинина в пьяном виде».

На это з/к Флоренский ответил: «Неужели Калинин так высоко котируется?»

Фигуранты состоят под агентурным наблюдением».

На донесении имеется резолюция: «Т. Акимову. На этих зз. обратить особое внимание. Они работают внилоболотории». Так в оригинале!

Реагирование з/к на постановление правительства от 14 и 22 сентября 1935 г.

С/с «Хапанели»

26 сентября 1935 г.

25 сентября с. г. в помещении кузнечного корпуса з/к Флоренский Павел Александрович, беседа с з/к Брянцевым Николаем Яковлевичем и Литвиновым Романом Николаевичем на тему о введении персональных военных званий нач. составу РККА, высказывался: «В этом постановлении чувствуется тенденция на проявление сродства с буржуазными армиями, в частности с французской. В общем, все-таки не совсем понятно введение в нашей армии чинов. Ведь раньше у нас эти чины, которые вводятся, например, полковник и др., были просто ругательными словами. Выходит так, что против чего раньше боролись, теперь к этому возвращаемся снова».

Приписка к донесению: «З/к Флоренский является учетником СПО, как АСЗ. Агнблюдение за ним продолжается».

Политнастроения

С/с «Евгеньев»

Пр.[инял] ул. СПО Кузьмичев

15 января 1936 г.

З/к Флоренский Павел Александрович 15 января, беседа с з/к Гендлиным по вопросу о возможностях досрочного освобождения из лагеря, говорил следственному: «Я лично от такого рода освобождения хорошего ничего не жду. Сидеть в лагере сейчас спокойнее, так как не нужно ждать, что тебя каждую ночь могут арестовать. А ведь на воле только так и поступают, как только придет ночь, так и жди гостей, которые пригласят тебя на Лубянку».

«Ист.[очник] «Евгеньев»

Пр.[инял] Монахов

26 декабря 1936 г.

З/к Флоренский П. А. (быв. профессор): «Я Ипатьева и... не осуждаю, и не

-9-

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ - МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

-10

одобряю: каждый человек является хозяином своей судьбы. Человек все взвесил и решил, что остаться там для него правильной будет, и он остался. Вопрос об измене трудно к ним применить, так как они никому не изменяли, а просто решили жить лучше вне радиуса действий наших лагерей».

Ист.[очник] «Товарищ»

Пр.[инял] Кузьмичев [Дата не указана.]

З/к Флоренский разговаривал с з/к Шаш у туннеля о последних известиях из-за границы. Между Флоренским и Шашем завелся спор о начале войны. Флоренский утверждал, что предположения стратега, известного на весь мир, а теперь и идеолога партии Троцкого, о том, что война начнется в 1937 году, — оправдывается... Здесь же Флоренский привел довод, что периодически война вспыхивает через 15—20 лет.

Прятели шли к библиотеке, во весь голос разговаривая, жестикулируя. За ними шел я. По приходу в библиотеку разговор прекратился».

И вот перед нами узкая полоска бумаги, согнутая пополам. На одной стороне: «190. Флоренский Павел Александрович...» На другой: «Флоренского Павла Александровича — расстрелять». И жирная красная галочка. А на обороте листка «Выписка из протокола заседания Особой тройки УНКВД Ленинградской обл. № 199 от 25 ноября 1937 г.»: «Верно» — «за секретаря Тройки нач. 3 отд. 8 отдела УНКВД, лейтенант ГБ Сорокин».

Самый последний документ этого «дела в деле» — в желтом конверте:

АКТ

«Приговор Тройки УНКВД Ленинградской обл... в отношении осужденного в ВМН Флоренского Павла Александровича приведен в исполнение 8 декабря 1937 г., в чем составлен настоящий акт. Комендант УНКВД Ленинградской обл. ст. лейтенант Поликарпов».

Круглая печать.

Вот и известны теперь нам и место гибели — Соловки, и точная дата смерти, и имена убийц. Отыскалась в архивах КГБ и одна рукопись Флоренского — внуки готовят ее сейчас к публикации, и, надо надеяться, мы скоро ее прочтем.

Что такое величие? Не знаю. Знаю лишь то, что оно есть.

Есть и святость, хоть она и невидима, как невидим нимб вокруг лика Павла Флоренского.

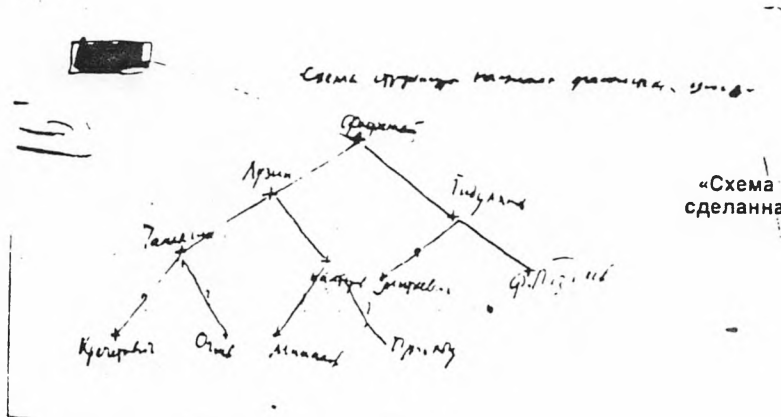
В одном из последних писем с Соловков — 13 февраля 1937 года — Флоренский писал: «...Удел величия — страдание — страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так — вполне ясно; это — отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия... Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания».

Заклученный П. А. Флоренский, 1933 г.
Фото из следственного Дела НКВД.

ИЗ АРХИВОВ ОГПУ - МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО
"ОГОНЕК" №45/90 стр. 23-27

-11-

«Схема структуры национал-фашистского центра сделанная Флоренским под диктовку следователя»

В гостях у ОГПУ. М. Горький на Соловках. 1929 г.

